

Ирина ЧИЧИКОВА Роман Полански. Жизнь как роман

— **Господин Полански, какие фильмы, увиденные в юности, произвели на вас наиболее сильное впечатление?**

— Сразу после войны, мне тогда было 12 лет, на польские экраны одновременно вышло несколько американских фильмов. Я посмотрел "Робин Гуд" с Эролом Флинном в главной роли, и для меня это стало сенсацией. Но не могу сказать, что впечатление от картины было неизгладимым, все-таки я достаточно быстро начал приобретать вкус к хорошему кино. А тогда я смотрел все без разбора. Но вот надолго в моей памяти осталась лента Кэрола Рида "Те, кто не нужен, уходят" (другое название "Третий лишний"), позже — "Гамлет", а еще позже — "Гражданин Кейн" Орсона Уэллса. Вот этот фильм я, пожалуй, назвал бы фильмом всей своей жизни.

— **Как вы работаете с актерами: позволяете ли им импровизировать, либо всегда подчиняете своей воле, своему видению?**

— Знаете, актеры — это просто люди, нет людей абсолютно схожих друг с другом и физически, и ментально. Потому, когда работаешь с разными актерами, невозможно использовать один и тот же подход. Если вам нужен наилучший результат, придется стать психологом. К счастью, я понял это довольно рано, когда снимал свой первый полнометражный фильм "Нож в воде". У меня был опытный актер, которому стоило показать, чего я хочу, и он немедленно это делал. Но с другой стороны, был актер начинающий, который делал лишь то, что шло от его сердца. И я интуитивно почувствовал, что если бы начал ему что-то показывать, то он впал бы в ступор, вообще не смог бы играть, и мне пришлось бы создавать соответствующую атмосферу, чтобы он делал что-то спонтанное. А еще в этой картине была девушка, что называется натурщица, с ней вообще нужно было работать как с марионеткой.

— **В свое время вы пригласили на главную роль в картину "Ребенок Розмари" режиссера Джона Кассаветиса. Тяжело ли режиссеру было руководить режиссером?**

— Я выбрал Кассаветиса, потому что считал, что он подходит на эту роль, но помимо этого, я его хорошо знал, и мы были друзьями. Студия не пришла в восторг от моего выбора и, должен признаться, что я иногда сам жалел, что затеял это. Во время съемок с Джоном было очень тяжело, он не хотел подчиняться мне, его игра была полной противоположностью игре Мии Ферроу, и если бы не ее такт, даже не знаю, чем бы вообще все это закончилось. Кстати, в этом фильме у меня снимался еще один режиссер — Джон Хьюстон, и вот с ним у меня не было никаких проблем.

— **"Молодость" — фестиваль дебютов и, естественно, плох тот дебютант, который не мечтает о славе Романа Полански. Можете ли вы с высоты своего опыта дать какие-то советы начинающим режиссерам?**

— Я мало езжу по фестивалям, а потому редко смотрю дебюты. Посоветовать, как снять такой фильм как "Нож в воде", боюсь, не смогу, наверное, это вопрос юности. Но хочу напомнить, что "Оливера Твиста" написал человек, которому было всего 25 лет. А "Гражданин Кейн" — тоже дебют, просто дьявольски талантливый дебют. Единственный совет, который я могу дать молодым жаждущим успеха режиссерам: внимательно смотрите то, что снимали до вас.

Журналисты благодарят Полански за то удовольствие, которое он доставил им "Оливером", и аплодируют ему. Полански польщен и признается, что никогда за всю свою карьеру не получал аплодисментов от кинокритиков. Меня, если честно, "Оливер" в его интерпретации разочаровал. Атмосферу старой Англии, всех этих овечьих скорбью рабочих домов и

воровского дна режиссер передал от лично, но вот сам роман перекроил и вывернул наизнанку. У него трагические персонажи — совсем не убиенная Нэнси и даже не скиталец Оливер, а старый вор Фэдджин в исполнении блистательного Бэна Кингсли. Зачем режиссеру понадобилось мелкого негодяя делать мучеником? Неизвестно. Может быть, ему показалось, что Диккенс слишком однозначен в своем определении добра и зла, и Полански решил эту однозначность разрушить.

— **Хотя Диккенс описывал Англию 19 века, такое впечатление, что вы черпали вдохновение в своем детстве...**

— Я не могу сказать, что детство Оливера — это мое детство, но многое в фильме действительно имеет отношение к моим детским переживаниям. Можно сказать, что мои скитания тоже закончились хэппи-эндом. Наверное, вы знаете, что мать моя умерла в Освенциме, отец тоже попал в концентрационный лагерь, и после войны меня взял в свою семью дядя. Нас, детей, было несколько, и главным нашим развлечением стало радио (во время войны за радио могли расстрелять, но уже наступило мирное время, потому мы могли слушать его совершенно открыто). И вот однажды радиостанция пригласила детей прийти в студию. Я пошел, познакомился с одним из актеров и с режиссером, который, помимо того, что делал шоу на радио, еще и работал в театре. Благодаря ему я получил роль в спектакле "Сын полка" по Валентину Катаеву. Это изменило всю мою жизнь. Я играл в театре, но тайно мечтал о режиссуре, а вот теперь, когда порой ощущаю ностальгию по актерской игре, иду сниматься, например, к Вайде.

— **Почему вы вдруг решили обратиться именно к детской аудитории?**

— Я считаю, что мой фильм можно посмотреть и в 9, и в 99 лет. А взялся за "Оливера" я потому, что, во-первых, Диккенс прекрасный рассказчик, в его книгах много юмора, гротеска, ярких персонажей, а режиссер, на мой взгляд, тоже должен в первую очередь уметь рассказывать историю. Когда я был ребенком, то видел экранизацию "Больших надежд" Дэвида Лина, она мне очень понравилась, и я еще тогда подумал, что если у меня будет возможность, то я экранизирую одну из Диккенсовых книг. А во-вторых, мне хотелось сказать детям то, о чем с ними почти не говорят именно из-за того, что они дети. Я вообще считаю, что мы сильно недооцениваем эту аудиторию, снимаем для них фильмы по шаблону: в одном говорим прописные истины, во втором эти истины повторяем. Дети привыкают к таким фильмам, как к "Макдональдсу". Честно говоря, в наше время очень трудно делать фильмы для юной аудитории без спецэффектов, это не значит, что сам я их вообще не использую, просто стараюсь не выпячивать. Я хочу, чтобы моя картина дошла до детской души, чтобы ребенок потом еще какое-то время размышлял над ней.

— **Как проходил кастинг на роль Оливера, и сложно ли вам было работать с детьми?**

— Первоначальный отбор проводил директор по кастингу: пришло около 300 детей, всех их снимали, потом для меня отобрали 30 записей. Я просмотрел их и выбрал четырех мальчишек, которые, по моему мнению, подходили на эту роль. На них надели костюмы и провели полноценные пробы, хотя сразу было ясно, что Барни Кларк — наилучший претендент на эту роль. Теперь насчет работы с детьми... Когда я заканчивал киношколу в Лодзи, меня учили, что когда ты работаешь с детьми и животными, увеличивай в два раза время, отведенное на съемки. Так вот, это неверное утверждение, снимать детей мне было намного легче, чем взрос-

лых актеров. Не знаю, что тому причиной, может быть, уравновешенный английский характер, но они были максимально дисциплинированы и вели себя на редкость прилично. Но стоило им покинуть съемочную площадку, как из них начинала выходить дурь. Признаться, я наблюдал за ними с удовольствием, потому что убеждался, что они нормальные дети.

Но вот, что касается животных, то преподаватели из Лодзинской киношколы тоже оказались неправы, на съемки с животными надо отводить время не в два раза больше, а в двадцать два.

— **Большинство ваших фильмов — о темной стороне жизни и человеческой души, потому в них много жестокости, насилия, боли, а существуют ли вещи, показать которые не решитесь даже вы?**

— Если исследовать конфронтацию добра и зла, то между ними нет какой-то четкой границы. Даже в монстре можно найти человеческие черты. Пример тому — Фэдджин из "Оливера". У Диккенса не сказано, что он раскаивался, но в фильме я позволил себе сделать его более человечным.

— **Как вам работало с сэром Бэном Кингсли?**

— У Кингсли потрясающая универсальность, он буквально перепрыгивает из роли в роль. Вот сыграл у Перельмана в "Доме из песка и тумана", потом в "Сексуальном чудовище", потом у меня в "Оливере". А ведь это три совершенно разных характера.

— **В "Оливере" эпизодическую роль сыграла ваша дочь. Вы таким образом готовите ее к актерской карьере?**

— Мои дети всегда сопровождают меня во время съемок, особенно если съемки проходят на летней натуре. Я даю им роли, которые остаются для меня чем-то вроде сувениров на память. Это всегда очень маленькие роли, которые не могут повлиять на окончательный результат работы. Я бы не хотел, чтобы люди знали, что это именно мои дети, но не упомянуть их в титрах я не могу, иначе они обидятся.

Моему сыну было пять лет, когда я закончил снимать свою главную на сегодняшний день картину "Пианист" (все, что я делал до этого, было лишь репетицией). Так вот, сын был на съемках, потом смотрел готовый фильм и сказал, что он ему понравился. А затем подумал и добавил: "Но "Человек-паук" все-таки лучше!". И я понял, что должен снять картину, которая была бы ему понятнее. Вот вам еще одна причина, почему я взялся за "Оливера".

— **Чем старше мы становимся, тем больше нуждаемся в любви и, порой не найдя ее у людей, привязываемся к книгам, вещам. Есть ли у вас вещи, хоть в какой-то мере восполняющие недостаток любви?**

— Знаете, наверное, мне повезло в жизни, но я не нуждаюсь в заменителях любви. У меня счастливая семья, дети, и как только появляется свободная минутка, я провожу ее с ними. Живое общение ведь ничем не заменишь. Возможно, это компенсация за те страдания, которые я перенес в юности.

— **Каковы ваши ближайшие планы?**

— У меня нет определенных проектов, я вообще завидую людям, которые могут снимать фильм и уже думать о каком-то следующем фильме, у меня это просто не получается.

— **Хорошо, а есть ли у вас какие-то нереализованные проекты?**

— Лет 15 назад я хотел снять "Мастера и Маргариту", фильм уже был в предпродакшне, но "Уорнер Бразерс" засомневалась в финансовой отдаче от этой картины, и фильм был приостановлен.

— **А есть история, которую вы, как и "Пианиста", давно вынашиваете?**

— Если бы была, я б ее давно уже снял.

Не стал в этом году генеральный директор Киевского международного кинофестиваля "Молодость" Андрей Халпахчи расплыться по мелочам и пригласил на открытие 35-го, юбилейного кинофорума, самого Романа Полански.

Шансов, что тот придет, на мой взгляд, практически не было: страшно занят, участия в фестивалях избегает, гонорары запрашивает звездные. Но вот непредсказуемый Полански взял да и приехал, и не с пустыми руками, а с премьерой своего последнего творения "Оливер Твист" (экий поворот сразу после "Пианиста"). Казалось бы, добродушный Диккенс и яростный Полански совершенно несовместимы. Но так думаешь до того момента, пока не увидишь самого Полански. Вот на сцену взбегают такой себе седовласый мальчуган ростом 155–160 см и принимает из рук президента Ющенко почетного "Скифского оленя" за вклад в киноискусство. У Диккенса полным-полно таких старых мальчишек, да плюс в большинстве его романов витает таинственная и мрачная атмосфера, а Полански в ней чувствует себя как рыба в воде.

72-летний Раймунд Полански (так звучит его настоящее имя) всю свою жизнь исследует природу зла, его интересуется столкновение с ним человека, извечное противостояние, из которого мы далеко не всегда выходим победителями. Полански ни в коем случае не злорадствует, он просто констатирует факт. И ему можно верить, потому что ребенком в краковском гетто он столкнулся со злом лицом к лицу. Оно было в сером безликом мундире и с

потрясающим равнодушием заглохило его бедную мать. Но самому Ромеку зло позволило выжить, однако такое впечатление, что Полански всегда чувствовал рядом его присутствие и иногда даже позволял завладеть собой. Конечно, на время. Вот самые мрачные факты его биографии: детство в гетто, трагическая гибель беременной жены Шерон Тейт от рук сатанистов, обвинение в изнасиловании 13-летней девушки, побег от тюрьмы во Францию...

Редко когда биография режиссера еще более впечатляет, чем снятые им мистические триллеры. Но жизнь Полански именно такой случай, не зря он назвал свою автобиографию "Роман". Не сомневаюсь, что очень скоро это произведение кто-то экранизирует, может, даже сам Полански. С него станется. А потом — он же действительно в материале.

Интервью метр мирового кино давал в отеле "Редисон-Славянская". Он вышел к прессе несколько помятый и раздраженный, попросил кофе и, подкрепившись таким образом, вдруг затеял скандал по поводу переводчицы, которая якобы переводила его не дословно. Переводчица краснела и белела, Полански демонстративно порывался уйти. Чувствуя, что пресс-конференция на грани срыва, Андрей Халпахчи призвал в переводчики Анатолия Ярему, который от волнения все время путал русский с украинским. Заметно освеженный этим мини-скандалом хулиган Полански (видимо, он просто решил поиграть в капризную звезду) смягчился и стал любезно отвечать на вопросы журналистов.